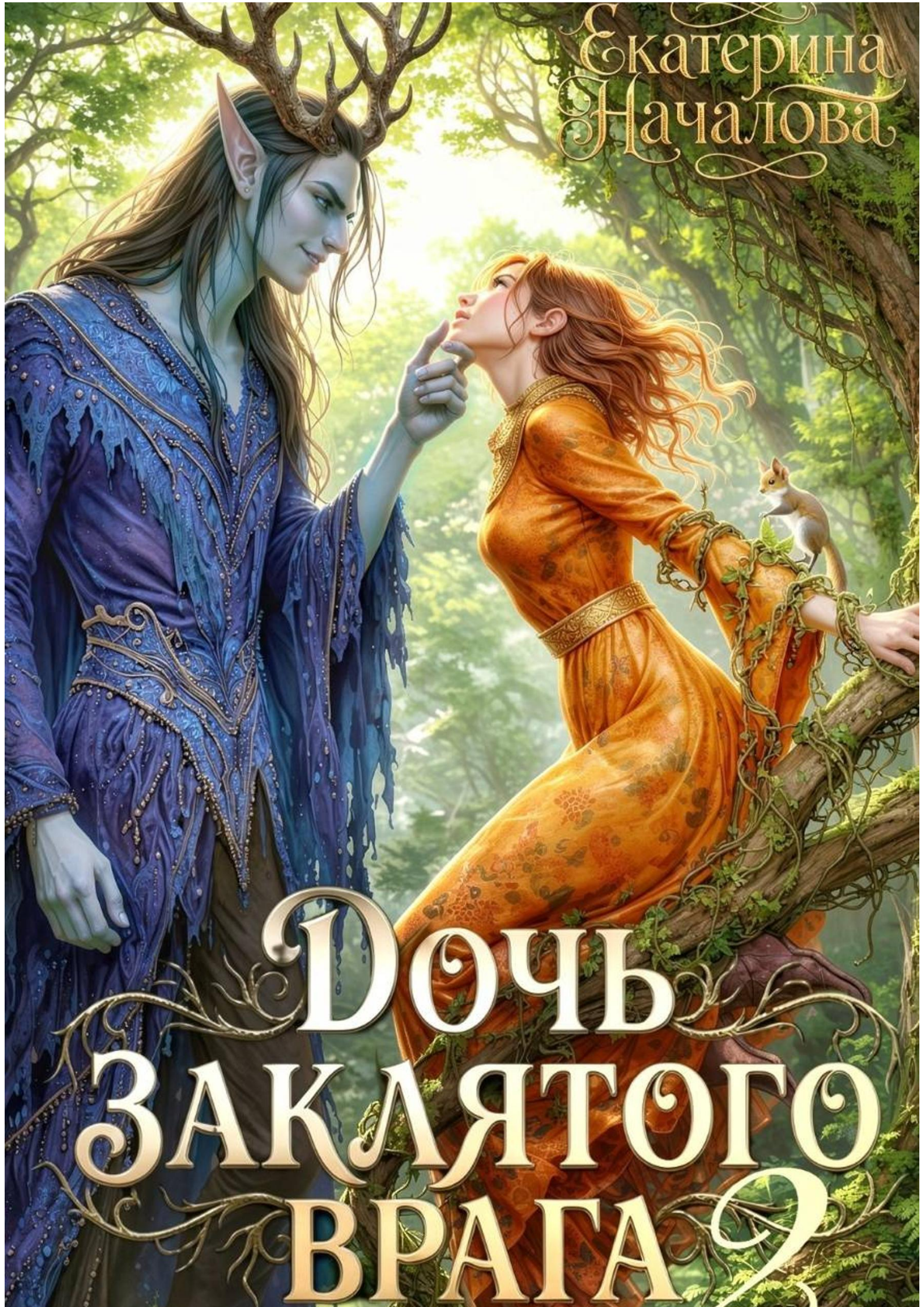

Екатерина
Началова

ДОЧЬ
ЗАКЛЯТОГО
ВРАГА

Дочь заклятого врага

Екатерина Началова

Дочь заклятого врага - 2

«Автор»

2026

Началова Е.

Дочь заклятого врага - 2 / Е. Началова — «Автор», 2026 — (Дочь заклятого врага)

Я — Ариока, старшая дочь, пробужденный Скорпион с полной спиралью созвездий. Я вынуждена снова вернуться на остров. Но теперь - не одна. Это вторая часть единой истории. Первая часть: "Дочь заклятого врага"

© Началова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Тот мир не получился сразу	5
Порядок был всегда равен себе, постоянен и неизменен.	9
В Хаосе не было постоянства.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Екатерина Началова

Дочь заклятого врага - 2

Тот мир не получился сразу

Столы стояли квадратом. Свечи теснились между тарелок, светлыми столбами возвышались на каждом сантиметре стола, приправляя воском случайные тарелки. В роду не любили магических светильников с консервированными искрами, которые всю продавали маги. Дома мы традиционно предпочитали живой огонь — простой, гасимый, обжигающий, так же как предпочитали простую силу и такую же еду. На тонких обсидиановых тарелках обильно лежали небрежно порезанные куски свинины, истекающие жирным соком, да здоровые туши жареных рыб с выпученными глазами. Желающие просто снимали с костей подходящие куски. Закусывать полагалось картошкой. Было видно — пусть торжество организовано на скорую руку, но кто-то из мужчин не поленился посетить южные земли. Рядом с блеклой репой лежали горки алых сладких томатов и гордо светили канареечными боками продолговатые плоды сладких фруктов.

Во главе стола, спиной к очагу сидел Роул со своей избранницей — Аликой. Простоватое, но симпатичное личико девушки было покрыто веснушками, а на загорелой шее сверкали драгоценные камни. Делая вид, что смущается, будущая жена Роула довольно бойко зыркала по сторонам. По правую и левую руку сидели зрелые мужчины. Молодежь усадили по бокам. Женщин устроили напротив мужчин.

Крону досталось почетное место по правую руку. Он сидел между Роулом и дядей, прямой, серый, чужой. На непроницаемом закаменевшем лице, не отражалось ничего. Роул вел себя гостеприимно — улыбался, своей рукой положил гостю на тарелку овощей, налил в бокал воды. Эл не притронулся ни к еде, ни к воде, не сказал ни слова. Мы видели друг друга из-за огоньков свечей и шей графинов. Глядя на него, я пыталась понять, чем Роул взял его. Что за важный пруттик? Что за росток? Нас разъединили сразу, как мы вступили на остров. Не было возможности поговорить.

Поначалу на лесного гостя поглядывали с любопытством, пытались разговорить, шушукались, потом забыли. На меня смотрели враждебнее, суше. Для большинства я была предательницей, нарушительницей, беглянкой. Возможно, дурой. Но больше всего — я чувствовала — предательницей.

После традиционных тостов, громогласных пожеланий здорового потомства, пошли шутки. «Чтобы в доме вашем всегда горел огонь, а в постели — никогда не остывал!», — желали женщины. «Чтоб оба к утру охрипли», — орали со стороны мужчин.

Постепенно тосты и пожелания иссякли, лица мужчин стали краснее, и они перешли к разговорам, которые в обычном состоянии, пожалуй, не стали бы вести при чужаках. Но крон сидел молча, и они, кажется, забыли о нем. Или вовсе не принимали во внимание, что означало Ничего хорошего.

Кусок не лез в горло. Я не съела ни кусочка.

— Вороны, — произнес Аденис, жадно обсасывая рыбку голову с выпученными глазами, — меня они беспокоят. У них сейчас молодняк входит в силу, и каждый второй — видящий. Это подозрительно. Я чувствую, они усилиются.

Он выковыривал глаза рыбины.

— Надо присмотреть, — хмыкнул кто-то из дальних родичей, салютуя кубком.

— Надо, — согласились с другой стороны. — И драконы. Нет, Роул, надо что-то делать с их рождаемостью. Первые недосмотрели

Роул молча обгладывал свиное ребро.

— А мы на что?

— Дело сложное

— Ты что-то с волчьей рождаемостью сделай! Равновесие нарушается! Эдак, они всех подомнут. Все вокруг будут волки!

— Не будут! Высших все меньше!

— Гонору у них Забыли, кто создал этот мир. И кто может его переделать!

На мужской половине одобрительно загудели. Огонь плясал на фитилях, тени метались по каменным стенам. Устав есть, некоторые развлекались музицированием. С одной стороны задумчиво перебирали струны цитры, а с другой бодро пели народные четверушки, подмахивая в такт бубном.

Мы с Элом встретились глазами. Гул звуков отступил, как волна от берега. Я еще слышала «а волки», «а змеи», но уже не вслушивалась. Свечи между нами оплывали, истекая воском. Капля ползла по обсидиану и застывала, не доходя до края. Я думала о том, каково ему, лесному крону, сидеть среди недругов, глотать запахи мяса, терпеть эти речи? Я хотела бы спросить его, что теперь делать? И больше, чем за себя, я боялась за него.

Обнаружив, что мы смотрим друг на друга слишком долго, я отвела глаза, посмотрела по сторонам, и поймала на себе тяжелый немигающий взгляд одной из своих «матерей», Миары. Держа в руке стакан, она смотрела на меня тяжелым, немигающим взглядом.

— Что? — холодно спросила я, совладав с собой.

Я примерно представляла, что она сейчас скажет.

— Ты хоть представляешь, сколько ты доставила нам проблем?

Вот это и представляла

— Нет, — ровно ответила я, безжалостно скармливая вилку свече. Золотые зубья стремительно чернели от копоти.

— А я тебя просвещу, — с язвительным смешком произнесла Миара. Она сидела, нервно подрагивая стопой в нарядном красном башмачке. — Сначала весь дом обыскали, потом остров, с ног сбились. По берегу ходили, вдоль моря. Боялись, что ты утонула. Твоя мантикора выла так, что у Дикки начались кошмары. Ди места себе не находила. Роул молчал, но я же видела: он не спал. И никто не спал. А потом выяснилось, что ты сбежала. Ни слова, ни записки. Мы что, никто для тебя? Чужие? Не из той материи? Всю жизнь вместе прожили! В одном доме!

Почувствовала ли я вину? Да.

— Мне жаль, Миара, — единственное, что я смогла сказать.

— Жаль ей! — Она всплеснула руками, расплескав половину стакана и не обратила на это внимания. — Сердца у тебя нет, Ари! Как можно так взять — и уйти, я в ум не возьму? Да я лично годами из-за тебя не спала. А от тебя какая благодарность? Ты думаешь, ты особенная? Да ты не с той стороны особенная, Ари. Выродок ты.

— Ми! — шикнул на нее муж со своей стороны.

— А что нет? — она повернулась к нему. — А кто? Скажешь, своя?

Я молча вонзила горячую вилку в бок ближайшей репе. Зубья вошли глубоко. Я сжимала рукоятку так, что костяшки побелели.

— А зачем ты не спала, Миара? — я повернулась к тете. — Кто заставлял тебя не спать?

— Ты заставляла, Ари! Ты! Не помнишь? Ну, конечно, не помнишь, у нас принято беречь бедную девочку. Не дай хаос, травмировать! А нас кто от нее побережет? Кулон ей не нравится надевать! А по ночам бродить нравится, надо же! Вот уходила бы и не возвращалась! Чего пришла?

— Не по своей воле, как всегда! — я зло улыбалась. — Меня тут вообще кто-то слушает? Я не раз говорила, что хочу другой жизни. А когда мне гаситель в ребра засунули, никто из вас ничего не сказал! Так и надо, чтобы не травмировать? Это все от любви?

— Ариока! — меня толкнули в бок. Я отвела глаза — Дикки. — А ты правда беременная? Врать теперь показалось бессмысленным.

— Нет, — легко ответила я.

Шумно выдохнув длинное ругательство, Миара встала, бросив стакан на стол.

— Ох, Ари — тихо сказал кто-то.

— Дурость бабская — донеслось с мужской стороны.

— Миара может и грубо говорит, но верно. Мы разве чужие тебе, Ари? — укоризненно спросила тетя. — Разве мы тебя не любили?

За столами стихли другие обсуждения. Нас слушали.

— Нет, не чужие, — коротко сказала я. — Но жить я тут не хочу. И не буду!

Горло сжало, голос сорвался некрасивым визгом, и я замолчала.

Молча перехватив Дикки, тетя вывела ее из зала.

— Я не понял Так олень сунул сук в наше дупло или как? — громко откашлялся дядя.

— Ш-ш! — зашипели на него с женской стороны.

— Леди Ариока оказала мне честь, связав со мной жизнь, — заговорил Эл. Глубокий звучный голос легко сшиб шепотки, перебил шипение, слабое пение и дребезжанье бубна. Взгляды обратились к нему. — Теперь она принадлежит роду Оленя.

За столом повисла тишина. Кто-то замер с кубком у рта. Кто-то перестал жевать. Роул со злой улыбкой отбросил кость на тарелку. От удара тонкий обсидиан раскололся надвое.

— Врешь. Если бы она вышла из рода, мне бы прислали весть! Тотчас!

— То другая связь.

Бросив на него фирменный высокомерный взгляд, Эл молча потянулся к ножу, которым только что резали мясо. Его не останавливали. Только мужчины ощутимо напряглись, каждый потянувшись к своему оружию. Дядя чуть отодвинул стул, готовясь встать. Роул не пошевелился.

Медленно и брезгливо Эл обнял серыми пальцами рукоять, неторопливо поболтал лезвие в собственном нетронутым бокале, вытер о собственный рукав. А затем резко вонзил острие в собственное предплечье. Алика вздрогнула, прячась за Роулом.

Жуткая боль пронзила всю руку от кисти до плеча. Я закричала. Взвилась со стула, держась за руку. Женщины испуганно закудахтали. Мужчины повскакивали с мест. Дядя выбил нож из рук Эла.

— Ари! Что? Что с тобой?

На серой руке расплывалось темное пятно. Эл прикрыл тканью кожу.

— Кроме смерти, через связь проходит и сильная боль, — произнес он бесстрастно.

Я испуганно ощупывала кожу, но не было ни раны, ни крови — только горячая, пульсирующая боль, которая после всплеска, начала стихать.

Роул вытирал пальцы о скатерть так медленно и тщательно, что все вскочившие постепенно сели.

— Прошу за мной, крон, — произнес, наконец Роул. Голос был сух и чужд. — Нам есть что обсудить.

Я вскинулась.

— Ари — нет, — не оборачиваясь произнес Роул.

Эл поднялся медленно, плавно. Мотнул мне головой — нет, и торжественно пошел-поплыл в темные недра дома. Что делать, я не знала.

— Не смей его трогать! — отчаянно крикнула я вслед.

Дядя укоризненно пригрозил мне окровавленным ножом.

— Не надо тут командовать

Рассмотрев потеки крови на лезвии, он со звоном откинул грязный нож на разбитую тарелку.

Порядок был всегда равен себе, постоянен и неизменен.

Музыка и голоса остались за спиной, затем и совсем затихли. Подсвечивая дорогу свечой, Роул шел вперед, не оглядываясь. Шаги крона за собой он чувствовал, но не слышал. Тот двигался по-звериному неслышно, плавно.

— Не отставай, — раздраженно произнес Роул.

Почти дойдя до лестницы, он все же спохватился — одному, с сильным кроном идти в лабораторию было глупо. Он свистнул, подзывая Льва. Крадучись на широких лапах мантикор догнал их, и пошел рядом с ногой хозяина. С ним было спокойнее. Роулу не надо было оборачиваться, чтобы знать — Олень ухмыляется.

Ничего Скоро перестанет.

С каждым шагом становилось холоднее. Узкий коридор вел вниз. Море дышало под островом, издавая низкий гул, похожий на дыхание спящего зверя. Свеча отбрасывала на стены длинные дрожащие тени.

Роул толкнул тяжелую дверь и вошел в лабораторию первым. В клетках зашевелились кролики. Роул прошел вперед, остановился у ящика с ростком и обернулся.

— Ты хотел его видеть.

Он пошевелил палку деревца. Крон уже не улыбался. Испещренное морщинами уродливое лицо стало окончательно похоже на щербатый камень, отломанный от скалы. Роул зло-радно улыбнулся.

Вот так-то.

— Ближе подходить не надо, — предупредил он, держа руку у ростка. — Лев, сторожи.

Мантикор демонстративно рыкнул, задумчиво понюхал росток, фыркнул и вальяжно развалился перед ящиком.

— Дай ему хотя бы воды, — сквозь зубы проговорил крон.

— Вчера давал.

— Мало.

— Переживет, — Роулу надоело говорить о старом дереве. Он прошелся, зажигая свечильники от свечи. — Рассказывай, как убраться связь. Если она есть.

Он все еще надеялся, что никакой связи нет. Что гримаса боли на лице сестры — очередной спектакль, уловка.

— Как убраться? — Олень наклонил голову, с трудом оторвав взгляд от ростка и перевел взгляд на Роула. — Убей.

Роул оценивающе оглядел длинную худую фигуру. Крон зажимал рану на руке, но все еще выглядел опасным противником. Хотя, мантикор должен справиться

— Тебя?

— Можно меня. Можно сестру. Один умрет, умрет и другой — тогда связь исчезнет.

Верить крону было нельзя.

— Ложись, — однозначно приказал Роул, намереваясь посмотреть на связь.

Крон посмотрел на массивный стол, на ремни, на раскрытую исписанную тетрадь и усмехнулся.

— Привяжешь? — поинтересовался он. — Будешь пытаться?

— Обязательно.

Как Роул и предполагал, сопротивляться крон не стал, слишком дорожил ростком. Бросив еще один взгляд на ящик с тринейрой, он равнодушно уложил длинные ноги на стол и лег. Роул прошелся вокруг, тщательно затянув руки и ноги. Крон только остро смотрел из-под

ресниц. По виду, не боялся. Внимательно приглядываясь к ране на руке, Роул кивнул мыслям. А что если связь только в руке? Возможно же? Возможно!

Он закрыл глаза, потер ладони, а когда открыл, то снова увидел перед собой конструктор. Изведя несколько дюжин кроликов и проверив знания на нескольких добровольцах, Роул уже неплохо разобрался, где какие линии и за что они отвечают.

Вот рука Место ранения. Тут конструктор кривился, моргал, сигнализируя о проблеме. Роул пригляделся, раздвинул призрачной рукой кровеносные сосуды, и действительно увидел связь. Не нить, а настоящий жгут из тысяч волокон, выходил из руки крона, уходя в сторону зала, где сидела сестра.

— Ты такой же как твой отец, — донесся из конструктора голос. — Изменяешь живое.

— Помолчи, а то убью раньше времени.

Роул протянул руку и осторожно коснулся жгута. Тот отозвался вибрацией — и где-то далеко, в глубине жгута, он почувствовал второе сердцебиение. Ари.

Не соврал рогатый К сожалению.

— Если умрем мы, не будет и вас. Вы захлебнетесь в Хаосе. Ты это понимаешь, глава рода?

— Вряд ли мы в нем захлебнемся, — сосредоточенно ответил Роул, озабоченно разглядывая жгут.

Плохо. Жгут оплетал все тело крона — сердце, легкие, основание мозга. Срезать? Роул сжал жгут, и тот тревожно запульсировал. Нельзя Если разрезать, крон умрет, а значит умрет и Ариока.

Роул все еще думал, что делать. Был вариант попробовать разобрать связь по волокнам. Медленно, может занять недели Но может сработать.

Вот только не сейчас. Лучше утром, на свежую голову. Роул помотал головой, возвращая обычное зрение.

Конструктор исчез. Перед Роулом снова серело малоприятное лицо крона. И что сестра в нем нашла?

Он положил руки по бокам от головы пленника.

— С чего ты взял, что мы хотим вашей смерти?

— С того, что вмешательство твоего отца изменило тринейры. Они убивают нас.

— Так не надо лезть в деревья, и они не будут убивать. В чем проблема?

— Я крон.

— Думаешь, это все объясняет?

— Да.

— Значит, придется подождать, когда вырастет новое поколение кронов, которые привыкнут к новым условиям существования и смогут примириться с реальностью, — философски заметил Роул. — Внешнюю силу у вас никто не отбирал. У тебя вот ее предостаточно. Живите, управляйте своими корнями и ветками Что вам не живется-то?

Крон молчал.

— Ты лежи тут до утра, подумай, — Роул сменил тон. — Не сбежишь один? Лев!

Усмехнувшись, Роул прихватил под руку ящик и топнул ногой, призывая питомца. Ман-тикор лениво поднялся, зевая во всю пасть.

Роул открыл дверь. Он решил допраздновать и лечь спать, а уж утром

— А почему не живется твоей сестре? — донеслось до него со стола. — Почему она не примирится с реальностью? Не привыкнет к условиям существования?

— Этого не знаю, — честно сказал Роул. — Но она не Олень, а Скорпион.

— Думаешь, это все объясняет?

Получив свой же вопрос обратно, Роул скривился.

— Заткнись, — просто посоветовал он и подтолкнул под зад мантикора, которому вздумалось обнюхивать порог. — Выходи, черепаха!

— Задай себе еще раз вопрос, почему нам не живется, — на прощание произнес крон. — И задай тот же вопрос о своей сестре. Не все способны жить в неволе, Скорпион.

Ехидный тон вдруг так разозлил, что Роулу немедленно захотелось вытащить из этого ублюдка сердце.

Может быть чуть позже получится

Помедлив на пороге — отвечать или нет? — Роул молча захлопнул дверь лаборатории.

В Хаосе не было постоянства.

Я сидела и смотрела на дверь, за которой скрылся Эл. Просто сидела и смотрела, хотя знала, что дверь не откроется. Чуда не произойдет, не может произойти, Роул не подобрееет, какие бы аргументы ни привел Эл, как бы убедителен и логичен ни был. Нет Брат пожелает отомстить за унижение и продолжит добиваться своего Мы похожи в этом упрямстве. Он не сдастся.

Слово за слово — примолкшая родня постепенно оживала. Пир продолжался без Роула, без крона, без того напряжения, которое только что искрило. Кто-то снова запел низко, протяжно. Кто-то потянулся за добавкой и уронил бокал. Кто-то устроил из-за этого маленькую суматоху. Мужчины вернулись к разговорам, женщины — к перешептываниям, как будто и не было ничего. Я сидела, все еще сжимая в пальцах вилку, и чувствовала, как внутри медленно, неотвратимо оседает жуткая тишина.

Крысу можно изменить как угодно, если создатель захочет

Соседний стул закричал — рядом подсел дядя.

— Ты нарушила правила, понимаешь, ты или нет, Ари? Понимаешь или нет?

Я медленно повернула голову. Дядя сидел, подперев щеку большим кулаком, так что кожа собралась у глаз, и смотрел на меня пристально, без злости — только с отеческой снисходительностью, как на нашкодившего ребенка.

— Подчиняться главе рода? — слабо улыбнулась я. — Знаю.

— Это да, но я о другом. Уйдя, ты нарушила неписанные правила. По которым уходить нельзя!

— Точно, — поддакнул Дарий. Он повернул соседний с дядей стул и тоже сел. — Неписанные. Нельзя так уходить.

— Как — так? — вяло спросила я, царапая вилкой стол.

— Без разрешения нельзя. Ты должна была спросить разрешения.

— Кто бы мне его дал? Роул? — я не удержалась от смешка. — Он бы не разрешил.

— Руку на отсечение даю, не разрешил бы! — возмущенно согласился Дарий.

— Так зачем спрашивать? Если бы тебе бы не дали разрешения, ты бы тоже ушел. И никто бы за тобой не гонялся.

— О-х-х — дядя покачал головой. — Я, Дарий — мы мужчины. Ты — женщина. Еще и незамужняя.

— А женщина не может решать за себя! — поддакнул Дарий.

— Именно. Женщина не уходит сама, ее отдают, — поддержал дядя. — Она может быть выдана замуж, может быть передана в другой род по договору. Но она не принимает это решение самостоятельно. Знаешь, что бывает с такими, как ты?

Стол хороший крепкий, из каменного дерева. Чтобы оставить на нем хоть какую-то зазубрину, нужен хотя бы раскаленный нож. Я бросила бесполезную вилку и прямо посмотрела на дядю.

— Ее можно запереть! — предложила я. — Или забрать все возможности! Запретить почти все. А еще отдать в жены! Самому тупому и противоположному! Годится?

Последнее я сказала, прямо глядя в глаза Дария.

— Да иди ты! — бросил он, и, резко поднявшись ушел на другой конец стола.

Дядя покачал головой.

— Ты думаешь, что понимаешь, но ты не понимаешь — покровительственно произнес он.

Я секунду сидела, сжимая кулаки. Потом поднялась так резко, что стул с грохотом рухнул на спину. С отвращением отодвинув его ногой, я вышла. Никто меня не останавливал.

Сложно сказать, как сильно я ненавидела в тот момент. Всех их.

Ветер с моря ударил в лицо — соленый, холодный, отрезвляющий. Чайки молчали, море отчаянно толкало скалы. Не разбирая дороги, просто потому что ноги сами несли меня прочь, я двинулась по тропинке к мантикорату.

Никто за мной не пошел. Может Роул и сказал кому-то приглядеть за мной, да только исполнитель до крайности плохо делал свое дело. С другой стороны, ничего не изменилось — куда я денусь с острова?

— Ночка Ночка! — тихо крикнула я в черную расселину.

Ждать пришлось недолго. Тьма в расселине заворчала, завозилась, а затем оттуда выскочила черная тень и уронила меня на спину. Тут же зацеловала, завозила по лицу мокрым языком. Я почти ничего не видела, только зеленые огоньки глаз над собой.

— Тьфу ты, дурочка черная Напугала Привет, девочка.

Я обняла мощную теплую шею, затем всхлипнула и залезла мантикоре на спину. Обняла ее руками, ногами и, ткнувшись в шерсть, позорно разревелась. Ночка обеспокоенно заворчала, повернув ко мне морду. Я отпихнула от себя мокрый нос.

— Гулять — обняв еще сильнее, я толкнула ее пятками.

Мягко переступая лапами по камням, мантикора пошла вперед.

Небо все сильнее темнело, море бесконечно толкало воду на берег. В голове такими же толчками всплывали воспоминания, которые я давно затолкала куда поглубже. Не яркие, не вспышки, а ровный мутный гул.

Мне лет семь. Я нашла нового паука, он забавный и странный — у него только голова и ноги. Я долго рассматриваю его, а затем бегу делиться открытием с папой. Папа в лаборатории, он работает, но у меня же открытие. Вприпрыжку бегу вниз по лестнице, и слышу, как в папином кабинете кто-то кричит. Крик тонкий, высокий, он захлебывается. Я почему-то думаю, что это папа, и врываюсь внутрь. Сразу вижу спину отца, а на столе — кто-то Я не помню — кто, да и не разглядываю толком, потому что отец оборачивается. Лицо у него сосредоточенное. Он предлагает немного подождать снаружи. Мне говорят, что папа — лекарь, и он — лечит.

Я стала старше и меня перестали пускать в нижние коридоры совсем. Но иногда я все равно слышу странные звуки. Я спрашиваю об этом одну из тетей. Она говорит не беспокоиться, ведь лечить — больно. Я помню, как из пальца вытаскивали занозу, как я сама выла от боли. Я понимаю.

Я снова старше. Я уже знаю, что отец может изменять живое. Он дарит мне серую крысу с шестью лапами и говорит, что крысу можно изменить, как угодно, если создатель захочет. Крыса смешная, я люблю ее и зову Паучей. Мы с Паучей гуляем по всему острову. Я показываю ей камни, море, гроты, самые тайные места. У нее усатая мордочка с подвижным розовым носом, который все нюхает. Мы добредаем до мантикората. Дядя как раз кормит мантикор. Это весело — он вытаскивает из ведра рыбу и кидает в воздух, а мантикоры ловят на лету. Я подхожу ближе, заглядываю в ведро и вдруг вижу, что это не рыбы. В ведре тушки серых крыс. Много голов, много лап, розовых носов Я прикрываю Пауче глаза и медленно отхожу подальше. Я больше не захожу в лабораторию отца, не хочу. И не хочу думать об этом.

Крысу можно изменить, как угодно, если создатель захочет.

А если создатель захочет сделать что-то с оленем...

Спина мантикоры накренилась. Не удержавшись, я сползла на песок. Это Ночка остановилась в своем любимом гроте. Пользуясь положением, она повернулась ко мне, накрыла лапой и принялась вылизывать мне руки. Широкий шершавый язык проходил по коже, отвлекая от

жуткого, и я ее не останавливала. Пусть уж Тем более, слюна мантикоры за считанные минуты затягивает любые раны, а у меня столько царапин после пути корней

Я споткнулась на мысли.

Затягивает любые раны...

Я нащупала бугорок цепочки, вытянутый наружу после утреннего сеанса.

А если...

Грохот воды оглушал.

— Ночка — прошептала я, не слыша саму себя. — Давай его вытащим, а? Сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.